

ЛЯЛЯ ЧЕРТКОВА

*КОЧЕВЬИЕ
КОСТРЫ*

Ляля Черткова
Кочевые костры

«Издательские решения»

Черткова Л.

Кочевые костры / Л. Черткова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930060-7

Приходилось ли вам слышать, что поэзия давно умерла? Или наоборот — наше время и есть время расцвета поэзии, а поэт как никогда олицетворяет эпоху? Если он — личность, чувствующая эпоху во много раз острее других. Мне повезло; я такого поэта для себя открыла. Открыла настоящие шедевры литературного мастерства Ляли Чертковой. Ольга Иванова, писатель

ISBN 978-5-44-930060-7

© Черткова Л.
© Издательские решения

Содержание

Молитва	7
«Как планета – над сонмом прочих...»	8
«Застыли тучи темной чередой...»	9
Чанте иста	10
«Вода – голубая прохлада...»	11
Картограф	12
Израиль	13
Фраза	14
«Два лица у кинжала...»	15
Заговор	16
«Звук должен быть окутан тишиной...»	17
«Подняв глаза, скажу я Богу...»	18
«Дождь На Лице»	19
Плач по Уралу	20
«Так много горя у родной Земли...»	21
Джеронимо, вождь апачей	22
Пицца – хауз	24
Вдохновенье	25
Кладбище	26
Кишинев	27
«Прозрачным абрикосовым вареньем...»	28
Возраст	29
Песнь Оцеолы	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Кочевые костры

Ляля Черткова

Дизайнер обложки Стефан Садовников

Редактор Александр Новиков

© Ляля Черткова, 2018

© Стефан Садовников, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-0060-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Эти стихи должны быть напечатаны большим тиражом, ибо они не те, которые можно взять на несколько дней в библиотеке, а – прочитав – вернуть; они должны быть дома, к ним нужно возвращаться, перечитывать, смаковать, читать вслух, затем «про себя», и опять вслух, ибо они – мысль и музыка.

Есть стихи такой силы, что их без сомнения можно отнести к разряду шедевров русской поэзии.

Есть стихи такой языковой и смысловой плотности, что хочется стать художником и писать плотным густым маслом...

Очень многие из них – подлинная мифология, магия, стихи чисто женские и эпические, высеченные из тех же глыб, что и скульптуры Микеланджело; стихи органичные и флейтовые, то ли – увиденные во сне, то ли – рожденные перенесенной болью.

Одинокая скрипка – и оркестровые созвучья; разрозненные души – и души, стремящиеся к слиянию. Эротизм и аскетизм; язычество и христианство, пустыня и плодородие.

Мир стихов Ляли Чертковой населен мириадами жизней, цветов, запахов, сонмами птиц; здесь трагизм падений и вдохновение взлетов.

Я прочел несколько строк наугад и – задохнулся; это орудийность и метаморфозность, о которой говорил Мандельштам. Спрессованность, сгущенность образов так велика, что из каждой строки можно вырастить поэму. Здесь нельзя пробегать глазами; нужно останавливаться, возвращаться назад, пробовать слова на вкус, на цвет, на отзвук эха в сердце...

Где искать корни этой поэзии? В прозе Бабеля? В русских былинах? В цыганских песнях, пропетых в молдавских степях? В тени испанской шали, взлетающей над танцовщицей фламенко?

Мне, музыканту, эта поэзия кажется поэзией звучания и слышания, с градациями от почти неслышимого до крика... Есть стихи, возникшие из такой тишины, что рождаются слуховые галлюцинации; есть стихи удержанного вопля. Они то безлюдны, то так густо населены, что начинает кружиться голова.

Количество образов в единицу времени иногда превышает возможность восприятия. Но это – не вина и не беда поэта; это ощущение физической нехватки времени и места. Это – щедрость безразмерности и неумности.

В русскую поэзию пришел Поэт со свежими силами и с равновеликими интеллектом и страстью. Это – поэт от Бога.»

Михаил Казиник, скрипач, лектор, музыковед, педагог, писатель-публицист, поэт.

«Есть у меня литературный друг. Мы из одного города и одного времени – то есть, ходили вдоль одних домов и деревьев, но не столкнулись ни разу.

Сегодня – после довольно драматических десятилетий – она с семьей во Флориде. Ее ФБ-карта полна какими-то индейцами, кубинцами, волками и эвкалиптами.

Но посреди этих странностей иногда выныривают стихи, которые... если я не потерял слух... не имеют аналогов. Они напоминают мне колоссов с острова Пасхи. Их музыкальность, их необъяснимое мастерство ставят меня в счастливый тупик...»

Борис Клетинич, писатель, поэт, сценарист, певец.

Душа, открыв невидимую створку,
Займет собою стайку старых слов,
Что впишутся в небесную подкорку
Прозрачными чернилами ветров.

Я знаю – небо снова им поверит;
Я здесь. Я есмь. Ликую, что жива!
Никто мое дыханье не измерит
И не сочтет горячие слова.

Ляля Черткова, «Заговор».

Молитва

*Гаснут, гаснут костры,
Спит картошка в золе;
Будет долгая ночь
На холодной земле.*

*(из перевода
Булата Окуджавы
песни Агнешки Осецкой)*

Чутким зраком поводит стреноженный конь...
Дэвло! Боже, храни кочевые костры;
Время ночи – твоей чернокозой сестры;
Пусть цыганским подарком ей будет огонь!

Мы в дороге; куда? – а не все ли равно?
Тесно нежным словам за небритой щекой...
Песня голос мой пьет, как хмельное вино,
Руки-звуки раскинув, летит над землей.

Эту песню – настой из прабабкиных трав —
Знали матери, помнили наши отцы,
И в фиалковом бархате нижних октав
Рассыпался цыганский песок хрипотцы.

Он монистом на шее плясуньи звенит,
Он подковой на счастье к копыту прибит;
Все овалы вокала, как звенья колец,
Лунный Дэвло ковал – полуночный кузнец.

Долго древнее племя по свету бредет...
Дэвло! Боже цыганский! Храни наш народ!
Коль уступят костры торжествующей мгле,
Будет долгая ночь на холодной земле...

«Как планета – над сонмом прочих...»

Как планета – над сонмом прочих,
Небеса – над плотью земной,
Над горами – орлиный росчерк,
Над пустынями – душный зной,

Над морями – полные влаги
Завиваются облака,
Над простором чистой бумаги
Замирает моя рука,

Как заря – над луной унылой,
Как нога – над торной тропой,
Колыбель висит над могилой.
Жизнь над смертью; дух над судьбой.

«Застыли тучи темной чередой...»

Застыли тучи темной чередой;
Их молоко сосет земля-телица.
Блестят листвы трепещущие лица,
Но почва не насытится водой.

А вот лежат недвижные стволы;
Они при жизни были деревьями.
Разжечь огонь среди кромешной мглы? —
Но пламя не насытится дровами.

Что наша жизнь? В масштабе века – час;
Печалит горем, нежит красотой.
Ум жаждет мыслей, зрелищ алчет глаз,
А сердце не насытится мечтой.

Чанте иста

«Я хотел чувствовать, ощущать запах, слышать и видеть не только зрением и умом. Я хотел видеть при помощи ЧАНТЕ ИСТА – глаз сердца».

(Вождь Хромой Олень)

Вскипает ковылем сухая степь,
А речка беспокойная игриста;
Высоких гор горда сплошная цепь —
Ты это видишь зреньем «чанте иста».

Пронизаны леса речами птиц,
Пестрят поля цветными письменами;
А слезы в скобках девичьих ресниц —
Так «чанте иста» гасит взора пламя.

По светлячкам тропу в кромешной мгле
Узнает воин племени чиппева;
Легко ступает парень по земле —
Щадит ее беременное чрево.

Застенчиво алеет новый день,
Лесной ручей звучит чистейшим скерцо;
Ты паутинку в луч, как нитку, вдень,
Попробуй сшить друг с другом свет и тень...

А «чанте иста» – это «зренье сердца».

«Вода – голубая прохлада...»

Вода – голубая прохлада,
Стекло потоку литье;
Колочая пыль водопада
Клубится над шлейфом ее.

Замрет, затаится в озерах —
Казалось бы, смолкла навек;
Но нет – заструится в просторах,
Исчерченных руслами рек.

А видел ли кто-нибудь это —
Когда она изглубока,
Ломая хрусталики света,
Вдруг выглянет из родника?

Выплескивать будет натужно,
Дурачась, пускать пузыри...
Вода очищает наружно,
И только слеза – изнутри.

Картограф

*«Бог не идол, Бог – идеал»
(Люси Мэлори).*

Эта церковь не в бревнах, а в ребрах,
Эта вера – веревка твоя,
Эту жизнь размечает Картограф
По земле твоего бытия.

Так церквушка светла и пречиста!
В ней душа – остекленный киот;
А веревка... она альпиниста
На подъеме и спуске спасет.

Носишь крестик ты в ямке яремной,
Дышит верою нежный овал.
Твой Картограф – не идол тотемный;
Бог – не идол, о нет! Идеал.

Израиль

Мы всё о тебе понимаем:
Что стбит рассвет за окном,
И тост неизменный «ле хаим»
Над темно-кровавым вином;

Ты собран построчно, по-нотно
Из песен и дивных баллад,
Ты числишь героев по-ротно
Среди добровольцев – солдат.

С хамсинами яростно споря —
Страна рукотворных чудес —
На лбу Средиземного моря
Лежишь ты, горячий компресс.

Предвечный Отец да восплачет
Меж звезд шестигранных – вдали,
И пусть оберегом назначит,
Твоим оберегом назначит
Святые ладони Земли.

Фраза

Душно и влажно под черным покровом земли;
Слез не вбирают платки на торжественной тризне.
Мертвым речам тишины заповедной внемли
И согласишься, что смерть – это правда о жизни.

Высидит небо светила золотое яйцо,
В мускуле ветра реки разыграется вена,
(Ярко блеснет в разговоре живое словцо)
Кроны лесные заплещут листьями степенно,

Птицы пронзят голосами прозрачный эфир,
Рыбы прошьют серебром голубые глубины;
Эта живая картина – трепещущий мир
(Фраза пока что дописана до середины).

Я соберу ее всю – из горячих песков,
Горных вершин и людей в бытовой круговерти,
Пестрых полей и других разноцветных кусков,
И допишу ее: «... жизнь как бессилие смерти».

«Два лица у кинжала...»

Два лица у кинжала.
Два последних вопроса до взмаха рукой:
Что сулит его жало?
Излечимую рану иль вечный покой?

За валюту дыханья
Будешь воздух для жизни себе добывать?
Иль наступит молчанье —
На остывших устах роковая печать?

Два лица у кинжала —
Два последних вопроса от ночи и дня;
Только времени мало —
Жизнь тебя обступает, задорно дразня,

Заливается пеньем,
Жадно пробует свет, как мускат – сомелье!
Два вопроса. Сомненье.
И короткий ответ на стальном острие.

Заговор

В тени свежо. На солнце – слишком жарко.
Вокруг – лесного храма благодать.
(Хоть и учила бабушка-знахарка
Не в бревнах – в ребрах церковь обретать.)

Под сенью густолиственной дубравы
Я истоиво вдыхаю – как любовь —
На летнем дне настоянные травы
Из-под печати заповедных слов.

Затем я мысли смутные извивы
В старинное заклятье облеку:
«Ополощи, схлещи, как с ветки ивы,
В пучину вод мою печаль-тоску.»

Душа, открыв невидимую створку,
Займет собою стайку старых слов,
Что впишутся в небесную подкорку
Прозрачными чернилами ветров.

Я знаю, небо снова им поверит;
Я здесь. Я есмь. Ликую, что жива!
Никто мое дыханье не измерит
И не сочтет горячие слова.

«Звук должен быть окутан тишиной...»

Звук должен быть окутан тишиной
Как брег реки, облизанный волной,
Как обойденный парой аналой
Во время сокровенного обряда;

Как хрусталем объятое вино,
Или плющом увитое окно,
Или листвы зеленое рядно,
Скрывающее разноплодье сада.

Звук должен долго нежиться в тиши,
В пеленах перламутровых души;
Его ты на бумаге не пиши —
Ты сам еще не знаешь этой ноты!

Найтию лишь ведомой стезей
Меж горьким вздохом и ночной слезой
На мрачном облаке перед грозой
Ее начертят молнии длинноты.

«Подняв глаза, скажу я Богу...»

Подняв глаза, скажу я Богу,
От жизни бешеной остыв:
Ты вычертил мою дорогу,
В нее полмира уместив.

Я измеряла версты болью
И мнились ранами следы,
А пыль в пути считала солью,
Не мысля без нее еды.

По тракту, затканному снегом,
По хляби осени вياءь,
Казалась жизнь моя разбегом —
Как будто только началась.

Наивность детская, не ты ли
(Да простодушия настрой)
Сквозь слезы резкость наводили
На черный камень под ногой?

Ну что же... камень – только камень;
Его огромнее стократ
Луны спокойной бледный пламень
И звезды в тысячи карат!

Дневные запахи и звуки
Сплетались в гимны красоты,
И солнца дружеские руки
Протягивали мне цветы...

Взбодрясь от Божией улыбки,
Я три перста прижму ко лбу;
СУДЬБА не сделала ошибки —
ОШИБКА сделала судьбу.

«Дождь На Лице»

Танец войны удалец в черно-красном уборе
Лихо плясал; только вот что случилось в конце —
Ливень пошел и размыл боевые узоры,
И нарекли краснокожего «Дождь на лице».

Иромагайа, о воин из племени сиу!
Храбрость индейца явила немало чудес.
Волос врага он вплетал своей лошади в гриву;
Янки дрожали при имени «Rain in the Face».

Их генерал побледнел, словно сгусток тумана,
Глянув на кожу бизона – зловещую весть;
Сердце краснело на ней, и кровавая рана
Всем бледнолицым сулила ужасную месть.

Только все меньше их – тех, кто носил мокасины,
Их отпечатки забиты следами сапог...
Прерия, молча прости уцелевшего сына,
Если он выбрал изгнание, а не острог.

Знаешь, чужбина? Твоей он не вынес свободы.
Мысли опять покаянно летели туда,
Где свежий ветер разглаживал чистые воды
И расходились могучих бизонов стада.

Он и вернулся... как птицы на родине пели!
Солнце сияло в своей голубой колыбели!
Жизнь подарила прощение в самом конце.

Что ж его жесткие скулы опять повлажнили?
Слезы текут? Или впрямь это дождь на лице?

Плач по Уралу

Дьявол скользит на коньках по замерзшему Аду —
Лед равнодушия выстудил адский огонь.
Некто устал; он выслуживал смерть, как награду,
И, наконец, разжимает сухую ладонь.

В мире земли и воды, облаков и растений —
Белым ли днем, на глазах ли прищуренных звезд —
Некто пылливый создал смертоносный рутений —
Гибель, зачистку, атаку, напалм, холокост.

Кроны лесов небеса голубые держали,
Солнце могучий сохатый вздевал на рога...
Здесь земляничины робкие в травах дрожали
И иван-чаем лиловым вскипали луга.

Тихие выстрелы – прямо в сердца земляничин,
Медленный яд – под язык старику роднику,
Это прогресс. Он к живому всегда безразличен.
Мне не избыть безнадежную эту тоску.

Некто вздохнул – и душа отлетела нагая.
Боже! Убийцу земли моей ты покарай.
Ад подо льдом; а достигнет преступная Рая —
Плотно затворит ворота пред грешницей Рай!

Послесловие:

Меня вдохновила картина Джона Кольера «Дьявол скользит на коньках по замерзшему Аду».

«Так много горя у родной Земли...»

Так много горя у родной Земли,
Что больше слез не вместят океаны;
Творец! Ее молитвам ты внимли.
Вселенная! Не сыпь ей звезды в раны...

Джеронимо, вождь апачей

Растет на могиле твоей трава,
Рыдает над нею дождь;
Но будет жить о тебе молва,
Джеронимо, старый вождь.

Немало апачей ушло в Поним¹
Пред медным лицом твоим,
А ты оставался невозмутим,
Жесток и неуловим.

Элита Америки, Прескотт Буш —
Студент, кем гордился Йелль —
Когда ты уснул, достославный муж,
Твою раскопал постель.

Налив шампанского в череп твой,
Хвалился хмельной студент,
Что будет властвовать над страной,
Как избранный президент.

Внимая лидеру своему,
Ревел от восторга зал;
С таких ты скальпов нарезал тьму
И к поясу привязал!

По хлебу прерии ветра нож
Размазал солнечный мед...
Твоя страна, краснокожий вождь,
Где имя твое живет.

Оно – знамение твердой руки
И чести великий храм;
Как символ храбрости, земляки
Дают его сыновьям.

Врезает время тебя в гранит,
И песнь о тебе поют;
Десантник имя твое кричит,
Раскрывши свой парашют.

Как символ мужества, ты воскрес —
Теперь уже навсегда...
Стальной пулей в сердце небес

¹ Поним – царство мертвых

Застряла твоя звезда.

Пицца – хауз

Горячие лепешки и оливки,
Сыр со слезой и чай темнобордовый
Мы ели-пили в маленькой подсобке,
Рассевшись среди ящиков и плит.
Курд Ибрагим подбрасывал лепешки,
Чай разливала Нафиса – турчанка,
Швед Патрик нам подкладывал оливки,
А я посуду мыла после всех...

Все жарче, жарче было в пиццерии,
Мы уставали все одновременно —
И в вечер краснолицый обращался
День, целый день стоявший у плиты.
Когда вошел он во все окна сразу,
Вода в графинах вдруг порозовела,
Обмякли накрахмаленные блузы;
Но чья-то незатейливая шутка

Взбодрила всех, и замелькали руки,
Передавая овощи, лепешки,
Спагетти, пиццы, воду и салаты...

И истончались белые тарелки
На этом бесконечном колесе.

Вдохновенье

*Мери Аркадьевне Браславской,
моей дорогой учительнице.*

Я вышью костер на ночном полотне,
Ярчайший цветок стоязыкий,
И будут рассказом о прожитом дне
Его лучезарные блики.

Да только огню неподвластны слова —
Он мастер предвестья, предтечи;
Из вдохов и выдохов выйдет канва
Его ослепительной речи.

Скормлю ему душу; ведь то, что горит,
Избегнет могильного тленья;
Огонь мой на равных с луной говорит —
Так с вечностью спорит мгновенье.

Кладбище

Кроткое дыханье тишины,
Мхов немых прикосновение к плитам...
Старики и дети здесь равны,
Словно разнотравье под копытом

Смерти – темногривого коня,
Траурного призрака заката;
Вот она – конечная расплата:
Солнце угасающего дня.

Вечность, память скорбную продли!
Положи рукой своей степенной
Черный хлеб черствеющей Земли
На стакан, наполненный Вселенной.

Кишинев

Проклятье вороны – и бабочки дрожь...

Я помню мой город кипящим, живущим
И зрелищем ярким, и хлебом насущным,
Где в травы сквозисто влюбляется дождь
И ветер ерошит зеленые кущи;

Где солнце горячее южную лень
Вплетает меж веток роскошного сада;
Как яблоко, там наливается день,
А дымчатый вечер синей винограда.

В разлуке за годом торопится год,
И плачутся весны в капелях апрелей,
И теплая пыль на дорогах растет,
И песни восходят на стеблях свирелей.

Я здесь красоты постигала азы,
И буки надежды, и веди печали...
Держите, мосластые руки лозы
Всех нас, что стремятся в туманные дали!

«Прозрачным абрикосовым вареньем...»

Прозрачным абрикосовым вареньем
Текут в начале августа лучи...

Укропом пахнут руки у хозяек;
Печеный перец и румяный лук
Слоятся в банках, ставятся в подвалы
До первых праздничных осенних дней.

Залиты воском срезы дымных гроздьев,
А яблоки песком почти что скрыты;
Сушеных фруктов дряблые гирлянды
Прошедшим летом пахнут навсегда.

Сентябрь – месяц пестрый, петушиный;
Октябрь – месяц красно-золотистый.
Под вечер пьют усталые крестьяне
Еще немного мутное вино

Там, где усы лозы задорно вьются,
Где воздух стынет в лиственных ладонях,
Где ветер шепчет дойну в старый флуер,
Где много лет как нет уже меня.

Возраст

Поседели метелки овса;
Ночи росны, а утра – туманны.
Осень. Ветры бинтуют леса,
Их сквозные багряные раны.

Вымирают цветы на лугах,
И в душе выстывают прорехи;
Это возраст. Нет правды в ногах,
Нет надежды исправить огрехи.

Бремя белых метелей и вьюг
Мне согнет по-старушечьи спину;
Только сердца неистовый плуг
Все пахал и пахал бы новину...

Песнь Оцеолы

Здесь грифа тень ложится на поля,
Когда он ищет жертву на охоте;
Здесь больше не глотает слез земля,
И квасит горе горькое в болоте.

Мы, братья, не сошли еще с ума,
Чтоб в бледнолицых признавать хозяев;
Здесь наши партизанские дома
Стоят в воде на цыпочках – на сваях.

Мы все под знаменем одной судьбы;
В тропу войны свели свои дороги
Измученные черные рабы
И племя краснокожее маскоги.

Мы не подпишем подлый договор
И не допустим пришлых произвола! —
Сжимая легкий боевой топор,
Разгневанный клянется Оцеола.

С двускатной крыши свесилась змея,
Следит добычу пепельная пума;
То, что случилось, все равно нельзя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.